

УДК 67.3

**ДОГОВОР АБАРСАЛА И ЭБЛЫ КАК ДРЕВНЕЙШИЙ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
В СЕРЕДИНЕ III ТЫС. ДО Н. Э.**

Кошман В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о древнейшем международном договоре. По мнению автора, таковым можно считать договор между древними государствами Месопотамии Эблой и Абарсалаем, датированный серединой XXIV в. до н. э. В статье приведена краткая характеристика упомянутых государств, а также произведено детальное рассмотрение самого документа. В его тексте автором выделены три смысловые части и дана их развернутая характеристика. Так, детально охарактеризованы положения об ответственности за преступления, о торговле между государствами и о принятии обязательств Абарсалаем. В связи с последней главой выдвинуто предположение, что договор был заключен по итогам военных действий, в которых государство Эбла оказалось победителем. В финальной части статьи произведено сравнение рассматриваемого договора с другими правовыми памятниками этого периода, в частности с соглашением между Эламом и Аккадом. Значительный объем статьи также посвящен анализу текстов, касающихся конфликта между Уммой и Лагашем. После детального рассмотрения этих источников автор приходит к выводу об их несоответствии понятию международного договора. В заключении договор между Эблой и Абарсалаем постулируется как древнейший международный договор.

Ключевые слова: древнейший международный договор, Месопотамия, государство, торговые отношения, мирный договор.

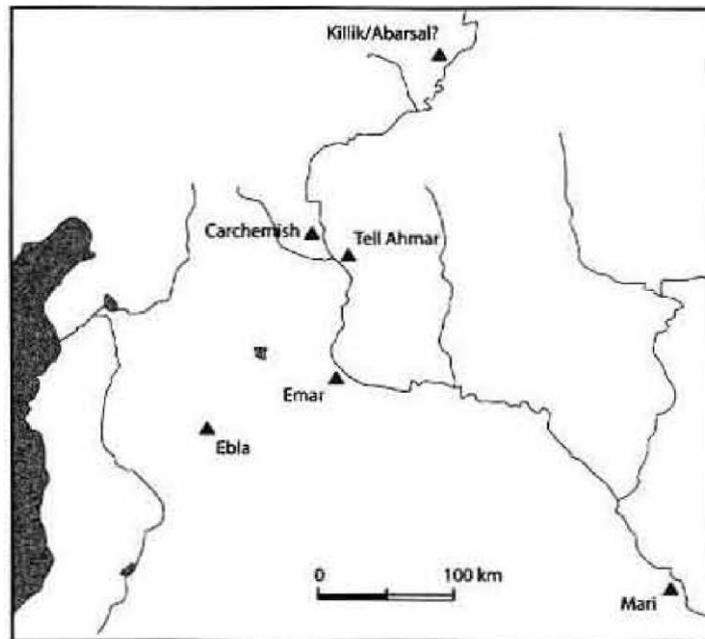
Родиной наиболее древнего международного договора между Уммой и Лагашем, датированного серединой III тыс. до н. э., является Месопотамия. В свою очередь, малоизвестным остается другой договор того же периода, который появился в северной части Месопотамии, на территории современной Сирии. Это договор Эблы с Абарсалаем. Следует отметить, что нами используется наиболее точный и современный перевод данного текста 2003 года Пелио Фронзароли [9] с рядом пояснений и уточнений Альфонсо Арчи, так как не все термины, использованные при переводе на итальянский, можно точно перевести на русский.

Прежде чем приступить к анализу положений договора, считаем необходимым дать краткую характеристику субъектам заключения договора, так как без этого понимание ряда положений документа будет неясно. Так, Эбла расположена в провинции Идлиб на территории Сирии и известна под названием Телль Мардих. Ее расцвет приходится на XXVI в. до н. э. – конец XXIV в. до н. э., а закат связан с тотальным разрушением города около 2300 г до н. э. Считается, что это было сделано Саргоном Аккадским, однако данное положение является весьма спорным в свете того, что он был правителем союзного города Киша. Кроме этого, перед самым разрушением в Киш была отправлена для женитьбы принцесса из Эблы. Мы присоединяемся к мнению, что Эбла была разрушена ее заклятым соперником Мари [5].

Основой благосостояния государств Северной Месопотамии была торговля: как караванная, так и по реке Евфрат, которая была главной артерией для сообщения с Южной Месопотамией. Один из путей в Северную Месопотамию, шедший через Нагар (Тель-Брак), контролировался Эблей [5, с. 13]. Торговля велась не только соответствующим служащими, но и частными лицами, а также подчиненными полукочевыми народами. Особое значение в экономике Эблы имело отгонное скотоводство. При этом основными животными были козы и овцы, которые использовались как для питания, так и для производства шерсти [12, с. 416]. Это связано с тем, что, хотя в то время и было значительно больше осадков, чем сейчас [6, с. 52], но основным видом земледелия было богарное земледелие. Также особенности многих территорий, находящихся в зоне рискованного земледелия, вынуждали местное население в качестве резерва вести в существенном объеме скотоводство.

Об Абарсале известно крайне немного, так как его точное местоположение не установлено до сих пор. По одной из версий это Телль Чуэра [11, с. 31], по другой – Телль Ахмар, а по третьей – Барзало (Барсалиум) [13, с. 50]. Мы склоняемся к последней версии, так как она основана на наиболее последних данных. Стоит отметить, что он также был важным пунктом в поставке ряда

Карта с приблизительным обложением Абарсала, с разрешения Guy Bunnens из его статьи

товаров из Анатолии в Месопотамию. Абарсал управлялся королем, вместе с которым был «ba-da-lum», заместитель, «ugula». Среди его чиновников в экономических документах упоминают курьеров, «kas», садовников, «nu-kiḡi», NE.DI [4, с. 410].

Договор между Эблей и Абарсалем дошел до нас почти в полном объеме. Он состоит из 63 строк основного текста и около 5 заключительного. В структуре договора не разделяются преступления и отношения, возникающие из торговых сношений.

Интерес представляет то, что в нем закреплено неравноправное положение сторон, хотя прямых пассажиров о подчиненности нет, и такая практика имела место. Это можно проследить на примере договора между Аккадом и Эламом. Для удобства изложения нами выделены в договоре три основных блока: положения, касающиеся ответственности за преступления, положения, касающиеся торговых взаимоотношений, положения, касающиеся обязательств правителя Абарсала.

Как правовой памятник он представляет собой договор между двумя городами, которые имели в прямом подчинении и другие населенные пункты. Однако перед нами встает вопрос о том, как классифицировать сам документ ввиду разнообразия точек зрения на момент возникновения международных отношений и государства в частности. Так как в рамках ограниченного объема не хватит места для этой крайне сложной проблемы, а целью является рассмотрение самого договора в контексте того времени, то мы презюмируем и Эблу, и Абарсала как государства. Следует принять во внимание, что Эбла была развитым урбанистическим центром созревшей бюрократии, далеко зашедшим социальным расслоением и крупной территорией, поэтому и классифицировать ее как государство представляется обоснованным. По мнению же автора, современная теория государства, как и теория международных отношений, фокусируют свое внимание на нации-государстве, которая является продуктом развития государственности Западной Европы с XVI века и доминирующей формой организации общества на данный момент. В связи с этим существенная часть споров вокруг государственных образований сводится к поиску подобного в современности. Также говоря о договоре Эблы и Абарсала следует принимать во внимание, что он именуется нами древнейшим международным договором, но точнее было бы говорить о межгосударственном договоре. Это позволяет подчеркнуть не только статус самих договаривающихся сторон, но и указать на то, как они воспринимали друг друга в тот период времени.

Особую ценность табличка с документом представляет ввиду того, что она является оригиналом договора [4, с. 410]. Важную информацию дает и то, где она была найдена. Табличка находилась на деревянной полке в «Великом Архиве» во дворце правителя Эблы. Рядом с данным договором хранилась переписка с государством Мари. Это позволяет утверждать, что договор классифицировался как предмет международной переписки особой важности. Последнее подтверждает сам характер данного архива, в котором хранились лишь наиболее важные документы, преимущественно о доставке драгоценных металлов, систематически собираемые с позволения министра [4, с.80]. Также датировку договора можно уточнить, учитывая то, что Эбла была уничтожена около 2300 г. до н. э. и сведения, приводимые А. Арчи [5, с. 10]. Это позволяет датировать его не позднее 2340 г. до н. э., т. е. отнести к середине XXIV в. до н. э.

Текст договора начинается перечислением городов и крепостей, которые принадлежат Эбле. В то же время, как заметил П. Фроназароли, в договоре отличается фактическое владение (контроль) и признание права на тот либо иной населенный пункт или крепость [9, с. 57]. Тем самым, вероятно, данный договор заключался по результатам военных действий, которые закончились очевидно не в пользу Абарсала, так как, кроме явно подчиненного положения, в нем должны были совершаться службы божееству Эблы, что в то время обозначало признание верховенства. Также верховенство проявилось в следующем:

- правитель Абарсала должен был сообщать обо всех предлагаемых ему союзах против Эблы;
- исключительно с разрешения Эблы Абарсал мог позволить кому-либо путешествовать в ее сторону;
- односторонняя обязанность по бесплатному предоставлению запасов еды в случае задержки каравана свыше 20 дней, если правитель хотел их задержать дольше, а также даче воды всем просящим путешественникам;
- села, подчиняющиеся Абарсалу, должны предоставлять просимое правителем Эблы.

Прежде чем давать характеристику положениям об ответственности за преступления и положениям, касающимся торговых взаимоотношений, обратим внимание на характер формулировки ответственности. Люди того периода не разделяли уголовную и гражданскую ответственность, а исходили из общих, в своей основе религиозных, представлений об ущербе. Причем ущерб мог носить не только материальный, но и ритуальный характер. Соответственно, что при убийстве, что при некачественном товаре размер ответственности устанавливался в количестве овец. Это является свидетельством в пользу того, что право тогда еще не рассматривалось в качестве самостоятельного явления. Согласно другому аспекту, применение именно овец как меры ответственности, говорит об их значимости для экономики государств данного региона, хотя уже в тот период подавляющее большинство расчетов велось в серебре.

Анализ текста договора позволяет выявить наличие норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений. Если сравнивать нормы о преступлениях с наиболее ранним известным правовым памятником – Кодексом Ур-Намму [2], то видно, что они имеют одинаковую конструкцию, причем многие нормы сформулированы по схеме гипотеза–санкция (иногда с диспозицией), что, принимая во внимание их характер, позволяет говорить о том, что данные нормы являются правовыми, то есть устанавливаемые государством как правила, применяемые на регулярной основе и ответственность за нарушение которых наступала со стороны государства (в данном контексте одной из договаривающихся сторон). Это позволяет утверждать то, что задолго до кодекса Ур-Намму существовала традиция закрепления норм об ответственности за преступления, свидетельством чего и выступает рассматриваемый нами договор. Само собой, мы не можем говорить о том, что это были правовые нормы в современном понимании. Это связано с тем, что современное понимание государства и права происходит из конкретной традиции эпохи Просвещения Европы, для которой, в том числе, характерно разделение светского и религиозного аспекта, что в мировой истории является скорее исключением, чем практикой.

С другой стороны, в договоре силен ритуальный аспект ответственности, на что указывает положение «если после того, как его поразит насмерть ударом аморрейского кинжала либо же копьем, при отсутствии быков или ослов для проведения обряда очищения, должное предоставление должно будет производиться с использованием овец; а если и овец для проведения обряда очищения нет, то должное предоставление должно будет производиться с использованием голубей». Такой ритуал проводился в случаях убийства одного человека другим, например перед боевыми действиями все войска участвовали в данном ритуале. Кроме того, масло как

один из товаров, упоминаемых среди поставок от Абарсала Эбле, применялось в ритуале. В связи с этим становится ясным, почему именно напитки и масло подлежали замене Абарсалем в случае их некачественности.

В отличие от кодекса Ур-Намму, в договоре с Абарсалем проводится различие между посягательством на частную и государственную собственность. Так, если при грабеже дома житель Эблы убьет жителя Абарсала, то он платит 50 баранов, а кража в крепости, вратах, оливковых садах и других местах (на табличке отсутствует часть надписи) наказывается смертью. К публичной сфере относился и правитель. Его особый статус подчеркивается тем, что его оскорбление, равно как богов и страны, наказывалось смертью. Всеобъемлющий характер ответственности правителя как воплощения и источника государственной власти носит положение о том, что на нем лежит ответственность за убийство кем-либо из Абарсала от его имени. При этом личность правителя понимается отдельно от государства.

В договоре содержатся особенности ответственности в зависимости от статуса лица. Если влиятельный человек оскорблял правителя одного из городов, то он передавался властям своей страны, где подлежал смертной казни. Неравное положение Абарсала в данном аспекте проявляется в другом положении: в случае оскорбления одного из командира групп (военачальника) Эблы оскорбивший был обязан заплатить 50 овец, а вот начальник крепости свое добро, таран и повозку.

Порогом ответственности, с которого начиналось вмешательство правителя, была стоимость 10 овец, так как именно в случае кражи из эблаитского стада такого количества животных предполагалась ответственность правителя.

Особое внимание и значительный объем договора касаются торговли. Кроме упоминаемых норм в отношении караванов с обязательствами со стороны правителя Абарсала, подобная обязанность устанавливалась для начальника крепости в случае задержки каравана, которым передавалось его добро. Он был обязан предоставить быков и овец в дар. Это лишало представителей каравана возможности получения запасов на обратный путь. Важной мерой по защите полукочевых жителей был запрет на продажу и пользование товарами, скотом и членами семьи в случае гибели путешественников (мужчин). Это исключало возможность не только присвоения товаров, но и продажи в рабство лиц, относящихся к Эбле.

Более низкое положение Абарсала проявлялось в установлении запрета на торговлю по реке, ведущей к Эбле, в то же время для товаров и соответствующего лица предоставлялось место на рынке и барже. Для Эблы же никаких ограничений не было.

Отдельные вопросы поставки товаров и их качества также нашли свое отражение в договоре. Так, ввиду особой ценности леса, устанавливался большой штраф за превышение ожидаемого объема в размере 12 овец. В случае наличия некоторых вопросов к качеству товара, а, именно, быка или осла, если он был крутого нрава и имел обыкновение наносить увечья, то продавцу из Абарсала при продаже покупателю из Эблы необходимо было добавить 20 овец. Таким образом, можно утверждать о том, что Эбла добивалась для себя и своих поданных торговых привилегий.

Рассмотрение договора не может быть полным без сравнения его со считающимся на данный момент наиболее древним договором между Уммой и Лагашем. Однако прежде чем их сравнивать, мы остановимся на спорном моменте, касающемся самого договора. Во-первых, в ряде источников даются различные даты,

вплоть до 3100 г. до н. э., во-вторых, источник называют договором Месалима. Что касается датировки, то она связана со второй проблемой, так как даты старше самих источников появились в связи с предполагаемым временем правления Месалима, правителя города Киш, который установил знак, устанавливавший границу между Уммой и Лагашем. Однако сам монумент, как и его текст, до нас не дошел, что полностью исключает какие-либо датировки раньше, чем наиболее древний памятник, дошедший до нас – Стелла Стервятников, т. е. 2450 г. до н. э. [10]. Хотя, несомненно, данный монумент упоминается в других источниках времен Эанатума и его племянника Энментены, касающихся конфликта Уммы и Лагаша.

При ознакомлении с переводом всех источников, касающихся вышеуказанного конфликта, приведенных в работе Д. С. Купера [7, с. 43–54], обращаем внимание на огромную разницу между ними и договором Абарсала. В то время как положения договора построены по той же структуре, что и поздние правовые памятники Месопотамии, источники невозможно назвать правовыми памятниками вовсе. Договор носит четкий характер с перечислением прав и обязанностей сторон, происходя из принятой межгосударственной переписки того периода. При этом назвать это явление сугубо эблаистским нельзя, так как письменность ими была перенята только в конце XXV в. до н. э. из региона современного Ирака, соответственно есть все основания полагать, что Эбла продолжала уже существовавшие традиции. Источники, касающиеся конфликта Уммы и Лагаша, по нашему мнению, договорами по своей сущности назвать нельзя, так как они являются триумфальными текстами, прославляющими победы Эанатума и Энментены, что видно из структуры и высокопарного стиля, в отличие от предельно лаконичного и точного текста Договора Абарсала, а также характера самих источников. Несомненно, в текстах Лагаша описывается процедура заключения мирного договора, а также сакральное обоснование действий правителей, подаваемое как праведное возмездие, направляемое богом Нингирсу, через них за нарушение клятвы правителем Уммы перед богами. Клятва перед богами презюмируется и в договоре Абарсала, а в заключительной части содержатся положения-проклятия, повествующие о гневе богов. Однако если принять позицию о том, что тексты Лагаша являются текстами договоров, то тогда следует признать, что документы, упоминающие процедуру заключения договора между Мари и Эблой, также являются договорами. Само собой, с такой позицией мы не можем согласиться. Поэтому считаем, что древнейшим дошедшим до наших дней текстом международного договора является договор Эблы с Абарсалем. Более того, как мы уже упоминали, существуют все основания считать данную глиняную табличку оригиналом договора, что тем больше подчеркивает его ценность в качестве источника. Кроме того, структура его положений, аналогичная Законам Хамураппи и Кодексу Ур-Намму, позволяет говорить о том, что это и древнейший письменный памятник права.

Для сравнения стоит привести и другой документ, являющийся древнейшим дошедшим до нас мирным договором – договором Нарам-сина. Данный правовой памятник в исторической литературе, в том числе в книге (1989 г.) крупнейшего шумеролога СССР И. М. Дьяконова [1, с. 78], считается древнейшим международным договором. Данное обстоятельство легко объясняется тем, что тексты, касающиеся Уммы и Лагаша, а также Аккада и Элама, были найдены в начале XX века, в то время как договор Абарсала в 1975 году. С другой стороны, свидетельство Дья-

конова подтверждает наш вывод о том, что тексты, касающиеся конфликта Уммы и Лагаша, соответствующими специалистами за международный договор не считались, так как договор Нарам-Сина датируется 2250 г. до н. э. [14].

Последний документ отличается от Абарсала своим изложением и характером. Будучи договором о мире, он однозначно и прямо закрепляет подчиненное положение Элама по отношению к Аккаду. В нем упор делается на военный характер помощи, вплоть до выделения постоянного войска во главе с генералом. В начале каждого положения следует клятва правителей перед богами: «Короли произносят свои клятвы пред богами. Как: король, преданный Нахити, (как) король покорный Иншушинак, (как) король верный Шиашум, Напир и Нанмде» [8, с. 172], что близко порядку заключения, описанному в текстах о конфликте Уммы и Лагаша. В то же время явно ритуальный характер ответственности и соблюдения договора прослеживается и здесь. Так, король Элама берет на себя обязательство по сооружению статуи Нарам-Сина: «В признание его даров, мои подчиненные [должны поддерживать тех, кто связан договором с Нарам-Сином]. Я сделаю статую тебя, она будет посвящена [богам Сузы]. Я буду предохранять ее от вреда. Никто здесь ее не разрушит.... Я сделаю статую тебя...» [8, с. 172]. Это служит подтверждением того, что положение в договоре Абарсала о совершении ритуала божеству Эблы говорит о его подчиненном положении и в сакральном измерении. Также совпадают по назначению положения о недопущении враждебных действий со стороны подчиненной стороны и ее подданных.

Существенным отличием договора Нарам-Сина выступает указание на получение и отсылку даров, что отсутствует в положениях договора Абарсала, однако практика отсылки даров была известна Эбле также, как и торжественное принесение клятвы главному божеству города, и применялась при отношениях с Мари: «Это естественно показало необходимость заключения договора, которому представители Мари поклялись в храме Куры, главного бога Эблы. Такая же церемония была произведена в Мари. Следующий пассаж, который регистрирует дары для делегации, прибывшей из Мари, показывает, что табличка с договором была размещена в храме города» [5, с. 10].

Учитывая то, что Эбла и Мари были частью письменной культуры Месопотамии, мы считаем, что в будущем возможны находки еще более древних памятников права и международных договоров. Также стоит обратить внимание на то, что памятники, касающиеся договоров и переписки между правителями, не опечатывались вплоть до появления Аккадского государства¹. Данное обстоятельство является интересным, так как многие памятники протописьменности Ура и Элама являлись буллами и несли на себе оттиски печатей, а активное применение печатей в административной практике восходит к первой половине IV тыс. до н. э., в том числе на памятниках в Сирии вроде Храма Серого Глаза в Тель-Браке². С другой стороны, данное обстоятельство говорит о сравнительно позднем появлении письменной переписки между правителями, которая, по нашему мнению, исходя из того, в каком контексте была обнаружена табличка с договором Абарсала, являлась источником, из которого вышли международные договоры.

¹Сведения полученные при личном общении с Альфонсо Арчи.

²Akkermans Peter M. M. G., Schwartz, Glenn M. The archaeology of Syria: from complex hunter-gatherers to early urban societies (c. 16,000–300 BC). – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 199.

Договор Абарсала представляет особый интерес как древнейший межгосударственный договор. Он свидетельствует о существовании в XXIV в. до н. э. развитого регулирования отношений между государствами, которое уже не имело исключительно ритуально-сакрального характера, а было унормировано устоявшимися обычаями взаимоотношений между ними. Последнее нашло свое выражение в межгосударственной переписке как особом виде документооборота ввиду обособленности хранения и наличия специальных ответственных лиц. Хотя в то время право не знало деления на гражданское и уголовное, тем не менее существовало понятие ответственности, отличное от ритуального характера, деление на государственную и частную собственность. Данные обстоятельства подтверждаются и тем вниманием, которое было уделено торговле и привилегиям, которых добивалась Эбла. С другой стороны, это выступило фактором, определяющим принципиально разное содержание с договором Нарам-Сина, также заключенным по итогам войны. Для торговых государств привилегии были существенно важнее военной помощи. Впрочем это не отменяет внимания, уделенного установлению территорий, и помещение этих положений в самое начало текста.

Список литературы:

1. История древнего мира: в 3 кн. / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. – 3-е изд., испр и доп. – М.: Наука, 1989. – Кн.: 1: Ранняя древность / отв. ред. И. М. Дьяконов. – 470 с.
2. Коношкин Д. Кодекс царя Ур-Намму: [Электронный ресурс] / Д. Коношкин. – Режим доступа: <http://engur.ru/5793>
3. Akkermans Peter M. M. G The archaeology of Syria: from complex hunter-gatherers to early urban societies (c. 16,000–300 BC) / Peter M. M. G Akkermans, Glenn M Schwartz. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
4. Alfonso Archi La ville d'Arbasal / Archi Alfonso // Ebla and Its Archives: Texts, History, and Society. – Berlin: De Gruyter, [2015].
5. Archi Alfonso A victory over Mari and the fall of Ebla / Alfonso Archi, Maria Giovanna Biga // Journal of Cuneiform Studies. – 2003. – Vol. 55. – P. 1–44.
6. Cantelli, L. Geomorphologic approach to the eblaite Chora / L. Cantelli, V. Picotti, V.M.L. Martina // Ebla and its landscape: early state formation in the ancient Near East. – Walnut Creek, California: Left Coast Press, Inc., 2013.
7. Cooper, Jerrold S. Reconstructing history from ancient inscriptions: the Lagash-Umma border conflict / Jerrold S. Cooper. – Malibu: Undena Publications. – 1983. – P. 43–54.
8. Foster, Benjamin R. The Age of Agade: Inventing Empire in Ancient Mesopotamia / Benjamin R. Foster. – New York NY: Routledge, 2016. – 438 p.
9. Fronzaroli, Pelio Testi di Cancelleria: i rapporti con le città (Archivi Reali di Ebla Teesti XIII) / Pelio Fronzaroli. – Roma, 2003. – No. 5. – P. 43–76.
10. Stele of vultures: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/stele-vultures>
11. Matthiae, P. The Royal palace. Functions of the Quarters and the Government of the Chora / P. Matthiae // Ebla and its landscape: early state formation in the ancient Near East. – Walnut Creek, California: Left Coast Press, Inc., 2013. – P.
12. Minniti, C. Exploiting Animals The Zooarchaeological Evidence through the Early Bronze Age at Ebla / C. Minniti // Ebla and its landscape: early state formation in the ancient Near East. – Walnut Creek, California: Left Coast Press, Inc., 2013.
13. Site hierarchy in the Tishrin Dam area and third millennium geopolitics in Northern Syria_Euphrates River Valley Settlement: The Carchemish Sector in the Third Millennium BC, Levant. Supplementary Series 5. – Oxford: ed. E. J. PELTENBURG, 2007.
14. Treaty between Naram-Sin and Elam: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.livius.org/pictures/iran/susa/susa-museum-pieces/treaty-between-naram-sin-and-elam/>

Koshman V. A. Treaty between Abarsal and Ebla as most ancient interstate treaty in formation of international legal regulation in Near East in middle of III millennium BC // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – P. 303–311.

The article is devoted to the question about the most ancient international treaty. According to the author, a treaty between ancient Mesopotamia state of Ebla and state of Abarsal could be considered such an agreement, dated back to XXIV cen. B.C. A brief characteristic of states mentioned is given in an article, alongside with the detailed consideration of the treaty itself. The text is divided into three semantic parts by an author, and detailed characteristic of each is given. The three semantic parts explained are the crimes penalties, the interstate trade rules and the commitments of the state of Abarsal. According to the last one, author gives an assumption that the treaty sums up the hostilities between states mentioned, and marks the victory of Ebla. In the final part of the article, a comparison between treaty and other legal monuments of the period is made. The legal monument chosen for comparison are the treaty between state of Elam and state of Akkad, alongside with the texts linked to conflict between Umma and Lagash states. After the detailed review of the sources mentioned, author concludes that they don't meet the requirements for an international treaty. In conclusion, the treaty between state of Ebla and state of Abarsal is stated as the most ancient international treaty.

Keywords: the most ancient international treaty, Mesopotamia, state, trade relations, peace treaty.